

*Борису Андреевичу Успенскому –
к 85-летию*

От авторов

Фигура Бориса Годунова обыкновенно служит своеобразным олицетворением эпохи перемен, трагических деяний, невероятных удач и рокового невезения. В предлагаемых читателю разысканиях мы попытались, напротив, взглянуть в связанных с нею текстах и артефактах то традиционное, стабильное, столетиями накопленное, что объединяло историю жизни царя Бориса и его семьи с судьбой как предшествующей, так и последующей династии, а заодно и с их нединастическим окружением.

Здесь немало будет сказано об именах и датах — предмете, казалось бы, сухом и способном заинтересовать лишь узких специалистов. На самом деле трудно вообразить понятие более важное для позднего русского Средневековья (да и Средневековья вообще), нежели имя собственное. Место в семейной иерархии, покровительство святого тезки, сопровождающее человека не только от рождения до смерти, но и за гробовой чертой, круг светских удовольствий и благочестивых трудов — все это так или иначе задавалось тем выбором, который совершался в момент наречения ребенка. Что же

касается дат, то они необходимы отнюдь не только историку, желающему навести порядок в череде разрозненных фактов и разнообразных событий, — до сих пор мы склонны недооценивать, насколько важен был персональный календарь для самих людей, живших на Руси в XVI–XVII вв.

Заинтересовавшись эпохой Бориса Годунова, современный человек подсознательно стремится проникнуть в личное пространство ее героев, однако Русь этого времени еще на редкость неавтобиографична. Ни сам царь, ни его близкие не ведут дневников, до нас доходят лишь ничтожные крохи их семейной переписки, а свидетельства русских историографов XVII столетия и побывавших при московском дворе иностранцев если и живописуют царский портрет, то делают это столь полемически страстно или, напротив, обобщенно условно, что зачастую не в силах удовлетворить нашего любопытства к этой почти неуловимой субстанции. Как ни странно, именно совокупность имен собственных и значимых дат приоткрывает некоторую лазейку в индивидуальную жизнь членов царской семьи, где обиходные ритуалы, религиозные переживания, мысли о собственном прошлом и настоящем, экзистенциальные надежды и опасения переплетаются в сложный и уникальный узор, вышиваемый по канве общепринятого.

Двигаясь в этом направлении, неожиданно обнаруживаешь, что годуновская эпоха сулит еще немало открытий — многие важнейшие числа и антропонимы до самого последнего

времени оставались неизвестными или, если угодно, не обретшими своих подлинных владельцев. Мы постарались построить каждую из глав этой книги как небольшое расследование, давая читателю возможность вместе с нами пройти путь от загадки к ее разгадке, а заодно и перепроверить принимаемые нами решения.

* * *

Несколько технических замечаний. Выделение разрядкой в цитатах, за исключением специально отмеченных случаев, всегда принадлежит нам. Курсив мы используем для обозначения имени как ономастической единицы. Приводя несколько мирских имен одного и того же лица, мы, вопреки историографической традиции, употребляем знак «/» (Григорий / Харитон, Иван / Шигона, Дмитрий / Косма), стремясь подчеркнуть тем самым специфические черты русской средневековой многоименности. В свою очередь, если монашеское имя приводится наряду с мирским, то одно из них — как правило, первое — заключается в круглые скобки: Ксения (Ольга), Иван (Иона) и т. п. При обращении к томам «Полного собрания русских летописей» мы всегда ссылаемся на последнее из существующих изданий.

Авторы считают своей приятной обязанностью поблагодарить коллег, которые на разных этапах работы консультировали их по тем или иным вопросам и/или оказали неоценимую помощь в поисках материалов: М. В. Вилкову, Н. А. Ганину, А. Л. Горобец, С. Г. Зюзеву, А. Л. Корзинина, А. В. Лаврентьева, М. А. Маханько, С. В. Николаеву,

С. М. Михеева, А. П. Павлова, Н. В. Пивоварову, С. В. Полехова, Д. Г. Полонского, А. С. Преображенского, А. В. Сергеева, Е. Р. Сквайрс, И. А. Стерлигову, А. А. Фомичеву, С. Ю. Шокарева.

В данной научной работе использованы результаты проекта „Семиотика книжного и не-книжного текста — славянский мир между Западом и Востоком“, выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 г.

Глава I

День рождения Бориса

Биография Бориса Годунова — первого полноценного русского царя, не являвшегося Рюриковичем по крови, — изобилует ошибками, загадками и неточностями в том, что касается, казалось бы, базовых и элементарных знаний о его персоне. Во второй главе этой книги нам еще предстоит обсудить, каким образом ему могли, например, приписываться имена, которых он на деле никогда не носил. Но самое удивительное, пожалуй, что XXI век до самого последнего времени обходился без точной даты его появления на свет — в исследованиях, в справочной и популярной литературе указывается только (иногда не без некоторых колебаний) 1552 г.

Между тем, существует текст, где соответствующая дата названа напрямую, причем источник этот создан современником царя, встречавшимся с ним лично, его показания в целом признаются заслуживающими доверия и используются исследователями для датировки иных событий. Более того, интересующий нас памятник был трижды опубликован еще при жизни своего автора, а в конце XIX века

переведен на русский язык. За прошедшие четыре столетия на приведенную в нем дату рождения Годунова несколько раз обращали внимание разные, порой довольно неожиданные люди, однако она не только осталась за пределами основного русла академических исследований, но никак далее не обсуждалась и не верифицировалась, что, как мы попытаемся показать, весьма важно для ее введения в современный научный оборот.

Приведем для начала сам текст, где фигурирует день рождения Годунова. Он появляется в отчете Георга Тектандера фон дер Ябеля († 1614), участника — а с некоторого момента и единственного представителя — посольства императора Рудольфа II к персидскому шаху Аббасу I. Тектандер появился на свет в Богемии, в семье потомственных протестантов (его отец был пастором, о деде же известно, что тот учился непосредственно у Лютера и Меланхтона), он слушал лекции в Лейпциге, хотя среди окончивших университетский курс его имя как будто не значится. По первоначально составленному договору, Тектандер был чем-то вроде помощника главы посольства, и исходно его формальные полномочия были довольно скромными¹.

При дворе Годунова Тектандер побывал дважды — с интервалом примерно в год — по дороге к шаху и обратно. Царский день рождения он празднует как раз на обратном пути, примкнув в Москве к другому, куда более бла-

¹ Более подробно биография Тектандера изложена, например, в работах: Францев, 1908; Schwarcz, 2003.

гополучному и пышному императорскому посольству, для которого двор Годунова был конечной целью. О самом событии Георг Тектандер сообщает следующее:

Alß auch den 2. Augufti der Großfürft feinen Geburts Tag celebriret / hat man vns wiederumb durch 200. Perfonen / deren ein jeglicher was von Speiß getragen / vom Schloß mit allerlen Fiſchen / denn es gleich dazumal der Moscovitter faßt tag gewefen / verehret [Tectander, 1609: 141] — Также и 2 августа, когда Великий Князь праздновал день своего рождения, нам, как и раньше, прислали из дворца 200 человек, которые несли каждый по блюду с разными рыбами, ибо это был постный день у московитов [Станкевич, 1896: 45]².

Нельзя ли остановиться на этой дате и считать 2 августа днем рождения Бориса?

Как мы уже упоминали, подавляющее большинство исследователей, включая Г. Ф. Миллера, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, а также специально занимавшихся биографией царя С. Ф. Платонова, Р. Г. Скрынникова и В. Н. Козлякова, эти показания не учитывают вовсе. С другой стороны, уже в XVIII столетии замечательный ученый Антон Фридрих Бюшинг, не раз бывавший в России и принимавший участие в учреждении Петершуле, выпустил в своем журнале *Magazin für*

² Это сообщение дословно воспроизводится в третьем прижизненном издании Тектандера (1610 г.), но отсутствует в первом (1608 г.), где вовсе нет рассказа о повторном пребывании автора в Московии (да и в целом текст его гораздо короче двух последующих — ср.: Францев, 1908). Разрядка в цитате принадлежит автору.

die neue Historie und Geographie, который он издавал в Галле, разбор пятого тома исторического сочинения своего «высокочитимого друга» академика Миллера, посвященный эпохе Бориса Годунова. Бюшинг отмечает, что сам держал в руках тексты, Миллеру недоступные, говорит о надежности Георга Тектандера как информанта и сообщает, что дата рождения Годунова, согласно этому источнику, 2 августа [Büsching, 1773: 252; Шемякин, 1867: V].

Замечательно, что разбор Бюшинга был переведен со временем на русский язык, но и это не помогло делу — пресловутое второе число по-прежнему оставалось за пределами внимания отечественной историографии, а если рассуждениям Бюшинга об этой дате и случалось кого-нибудь заинтересовать, то это мог быть, например, отечественный исследователь немецкой публицистики XVIII в., который добросовестно отметил, что дата рождения Бориса Годунова почему-то советским историкам остается неведомой [Белковец, 1988: 238–239]. Но и это замечание осталось без последствий. Искра Шварц в работе 2003 г., разбирая сочинение Тектандера, в сокращенном виде воспроизводит его ремарку о праздновании дня рождения царя, однако никак не обсуждает ее и не сосредотачивает внимание на том, что это свидетельство уникальное и в годуновской просопографии неучитываемое [Schwarcz, 2003: 203]. Таким образом, за несколько столетий масло немецких источников и вода отечественной историографической мысли так и не смешались друг с другом.

Подобное игнорирование естественным образом привело к тому, что не было предпринято ни проверки, ни анализа высказывания Текандера. Даже те, кто знал соответствующее число — 2 августа, — не задавались вопросом: какой, собственно, хронографический смысл за ним стоит и имеется ли он вообще. Забегая вперед, отметим сразу же, что, на наш взгляд, свидетельство Текандера, хотя и нуждается в пояснении, но может быть проинтерпретировано вполне определенно и однозначно.

В данном случае обычные проблемы со свидетельствами иностранцев — насколько Текандер достоверен в своих датировках вообще и насколько адекватно он воспринимает происходящее в чужой стране, в частности — сочетаются с трудностями не вполне привычными, характерными именно для этого периода в жизни Европы. Посольство Рудольфа II к шаху Аббасу, начавшееся в 1602 и завершенное в 1604 г., погружает нас в бурлящий мир конфессионального разнообразия и хронологической неоднозначности. Глава его, Стефан Какаш († 1603) — католик, судя по его письмам, близкий к иезуитам³. Один из его помощников, Георг Текандер, автор интересующего нас сочинения, несомненно, протестант. Первый пишет

³ Стефан Какаш происходил из именитого трансильванского рода и некоторое время был доверенным лицом Баториев, а после их падения оказался на службе Рудольфа II. В качестве посланника императора он и отправился в Персию, откуда ему не суждено было вернуться. Более подробное изложение биографии Какаша см. в работах: Францев, 1908; Schwarcz, 2003.

на латыни, с оказией отправляя письма своему покровителю, при этом возможности составить полноценный дипломатический отчет волею судеб он будет лишен. Второй же ведет записи на немецком и публикует их, уже вернувшись на родину, сперва в краткой, а затем и в пространной редакции. Существенно при этом, что тексты Какаша и Тектандера порождаются независимо друг от друга. Таким образом, когда речь в них идет об одних и тех же событиях, у нас есть возможность проверить Тектандера, и результат этой проверки он выдерживает идеально — практически все даты в его записках (в частности, те, которые относятся к первому пребыванию в Москве, когда глава посольства еще был жив) полностью соответствуют датам у Какаша, правда, не вполне тривиальным образом, о чем нам еще предстоит сказать ниже. Вообще говоря, конкретных дат в записках Тектандера очень много — они составляют предмет его самого пристального внимания, он фиксирует их, как только для этого предоставляется физическая возможность, формируя тем самым естественный каркас для своих записок. В чем же тогда проблема, коль скоро пунктуальность немецкого источника в описании московских событий вроде бы не вызывает сомнений?

Европа, несмотря на то что со времен установлений папы Григория, вводящих пресловутый григорианский календарь, прошло уже два десятилетия, продолжает, как известно, жить по двум календарям, старому и новому. Католические страны, после некоторых колебаний,

вроде бы переключились на новый стиль, тогда как бóльшая часть протестантских монархий и княжеств оказались среди тех, кто его не принял. Если речь идет о столь сложном политическом образовании, каковым была Священная Римская империя в начале XVII столетия, то ситуация здесь оказывается особенно неоднозначной — жители сопредельных земель зачастую пользуются разными календарями, а уж если кому-то из них случается переселяться в другую область, то трудности соотнесения юлианской и григорианской системы координат в его официальном и неофициальном узусе существенно возрастают.

Собственно, история этого персидского посольства в известном смысле могла бы служить учебным пособием, демонстрирующим все многообразие этой хронографической картины. Католик Какаш, вопреки ожиданиям, датирует свои письма по старому стилю, тогда как его помощник, протестант Тектандер, пока посол еще жив, пользуется новым стилем (как это было принято, кстати, в его родной Богемии)⁴.

⁴ На присутствие двух разных стилей в этих текстах обратил беглое внимание еще замечательный историк дипломатических связей Руси Фридрих Аделунг [1846, II: 130 <Анм. 136>; 1863: 78 <примеч. 136>]. Современная же исследовательница стремится его оспорить, говоря, что появление у Тектандера даты 27 ноября (вместо 17 ноября) — это всего лишь результат опечатки [Schwarcz, 2003: 200–201]. Однако она совершенно игнорирует тот факт, что остальные даты у Тектандера и Какаша также различаются на пресловутые 10 дней, составляющие разницу между старым и новым стилем, причем происходит

Соответственно, один (Какаш) сообщает, что первая аудиенция у Бориса Годунова состоялась 17 ноября 1602 г. [Станкевич, 1896: 47], а другой (Тектандер) – 27 ноября [Tectander, 1609: 32; Станкевич, 1896: 16]. В свою очередь, отъезд из Москвы пришелся, согласно письму Какаша, на 27 ноября [Станкевич, 1896: 54]⁵, а согласно Тектандеру – на 7 декабря [Tectander, 1609: 56; Станкевич, 1896: 23]. Разница в десять дней аккуратно определяется разницей между старым и новым стилем, и взаимная верификация датировок в известном смысле идеальна. Помимо всего прочего, весьма интересно наблюдать, как два человека, путешествующие вместе, начальник и подчиненный, могу пользоваться разными календарями.

Если бы все пошло по плану и Какаш не скончался бы, не доехав до персидского двора, они бы вместе вернулись в Московию, оба отпраздновали бы царский день рождения и, возможно, обеспечили бы нам двойное видение этого события. Однако Тектандеру предстоя-

это и в тех случаях, когда разница между григорианским и юлианским календарем порождает несовпадение месяца в датировке.

⁵ В письме, датированном 26 ноября, Какаш объясняет своему корреспонденту, что они должны были уехать уже сегодня, но поскольку к моменту написания письма уже наступило 12 часов по полудни, а необходимая ему встреча с канцлером еще не состоялась, то он испросил позволения уехать завтра, т. е. 27 ноября. В общей сложности посольству пришлось пробыть в Москве около четырех недель, что и отмечает Тектандер в своих записках [Tectander, 1609: 56; Станкевич, 1896: 23].

ло растерять всех своих спутников, в одиночку предстать перед шахом Аббасом, который воевал в ту пору в Армении, и претерпеть немало лишений. Одно из них тоже весьма выразительно с точки зрения истории календаря и прекрасно отрефлектировано в тексте Тектандера⁶ — говоря о нем, Георг Тектандер чем-то напоминает Афанасия Никитина, хотя, в отличие от русского путешественника, наш протестант на дипломатической службе испытывал трудности скорее светского характера, лишившись на несколько месяцев возможности датировать происходящие с ним события:

...man findet auch weder Uhr noch nichts bey ihnen / Denn alß ich mich einßmals im Calender geirret / ich ein gantz halbes Jahr / biß ich wiederumb in die Moscowitterifchen Länder komen in tag hienein leben müffen / vnd keinen Tag vor dem andern hab halten können [Tectander, 1609: 101–102] — У них <у мусульман> не найдешь ни часов, ни чего-либо подобного, так что когда я однажды запутался в календаре, я должен был целые полгода, пока не вернулся в Московские земли, жить одним днем и не мог отличить одного дня от другого (ср. также: Станкевич, 1896: 34).

⁶ В такой перспективе верные сами по себе упреки современных востоковедов в том, что датировки Тектандера, относящиеся к его пребыванию в Персии, не всегда отличаются точностью [Бушев, 1976: 385], представляются нам не вполне справедливыми, поскольку автор сам предупреждает читателя о невозможности следовать календарю в этой части своего описания. Данные же, относящиеся к другим частям его маршрута, у этих исследователей сомнений не вызывают.

Любопытно, что на этом отрезке повествования стиль его изложения отчасти изменяется — утратив хронологическую сетку, он вольно или невольно строит весь свой нарратив несколько иначе, причем во втором издании (1609 г.) его рассказ куда пространнее, чем в первом (1608 г.).

К какому же календарю, однако, вернулся Тектандер, вторично попав в Московию?

Первый шаг его по землям, подвластным русскому царю, отмечен лишь месяцем, но не днем — он приходится на январь 1604 г. А вот дальше, счастливым для нас образом, путешественник сообщает о том, какой датировкой он будет пользоваться, а заодно дает понять, что разница между григорианским и юлианским стилем им прекрасно осознается и учитывается. Он сообщает, что ему со спутниками удалось попасть 23 марта в Астрахань, но здесь пришлось дожидаться пятницы Страстной недели, чтобы плыть дальше, специально оговаривая при этом, что дата им приводится «по старому стилю» (deß Alten Kalenders) [Tectander, 1609: 129; Станкевич, 1896: 41].

Иными словами, оказавшись среди москвитов, Тектандер стал пользоваться тем же календарем, что и его русское окружение, так сказать, поставил свои мысленные часы по московскому времени, и это отнюдь не было для него чем-то революционным ни тогда, ни позже. В самом деле, этим же старым календарем пользовался его покойный патрон Какаш, он же был по-прежнему принят в Саксонии, где Тектандер осядет по возвращении домой из Московии, получит место и издаст свое сочинение.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru